

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-1-59-63>

В условиях глобализирующегося мира и расширения сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью изучение проблем реализации норм международного права в национальной юридической практике приобретает особую актуальность. Предметом исследования выступают нормы международного права, применяемые судами РФ при рассмотрении уголовных дел. Цель работы – выявление и описание различных вариантов применения норм международного права в сфере уголовно-правовых отношений, возникающих на территории РФ. Методологическую основу исследования составляют положения диалектического метода познания, теория применения права. В целях полноты и достоверности исследования использовались также методы формально-юридического, логического и статистического анализа. Исследованы различные варианты прямого и непосредственного действия норм международного права в сфере уголовно-правовых отношений на территории РФ. Сделан вывод о том, что международные договоры РФ, содержащие «самоисполнимые» нормы, регулирующие отдельные аспекты борьбы с преступностью, имеют важное значение для российской правоприменительной деятельности. Такие договоры подлежат непосредственному применению на территории России и не требуют для своей реализации издания внутригосударственных законов (о внесении изменений в отечественное уголовное законодательство). При регламентировании общественных отношений эти акты присоединяются к предписаниям Уголовного кодекса РФ, образуя в сочетании с ними единый регулятор, что обуславливает особую важность изучения норм международного права сотрудниками российских правоохранительных и судебных органов.

**ДЕНИСОВА
Анна Васильевна**

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
anden2012@yandex.ru

**Нормы международного права;
международные договоры РФ;
уголовно-правовые отношения;
Уголовный кодекс РФ;
правоприменительная
деятельность**

Anna V. DENISOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)
anden2012@yandex.ru

**Norms of international law;
international treaties of the
Russian Federation;
criminal law relations;
Criminal Code of the Russian
Federation;
law enforcement**

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL NORMS IN CRIMINAL LAW RELATIONS ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the context of a globalizing world and the expansion of states cooperation in the field of combating crimes, the study of the problems of implementing the norms of international law in national legal practice is very relevant. The subject of research is the norms of international law applied by the courts of the Russian Federation when considering criminal cases. The purpose of the work is to identify and describe various options for applying the norms of international law in the field of criminal law relations on the territory of the Russian Federation. The methodological basis of the study is the dialectical method of cognition and the theory of the application of law. For the purpose of completeness and reliability the author also used the methods of formal legal, logical and statistical analysis. The researcher identified and described various options for the direct action of the norms of international law in the field of criminal law relations on the territory of the Russian Federation. The author concludes that the international treaties of the Russian Federation containing

“self-executing” rules concerning crime counteraction are important for Russian law enforcement. Such agreements have direct application on the territory of Russia and do not require the issuance of domestic laws (on amending domestic criminal legislation) for their implementation. Regulating public relations, these acts are attached to the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, forming in combination a single regulator, therefore it is especially important for Russian law enforcement and judicial officials to study the norms of international law.

В ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) говорится о том, что упомянутый Кодекс основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. Обращает на себя внимание то, что УК РФ упоминает в качестве своего нормативно-базиса лишь общепризнанные принципы и нормы международного права в отличие от большинства российских законов, содержащих ссылку и на международные договоры. Так, согласно ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) не только общепризнанные принципы и нормы международного права, но и международные договоры РФ являются составной частью отечественного законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство. Также там продублировано конституционное положение, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора. С 2020 г. действует поправка, согласно которой не допускается применение правил международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Возникает вопрос: с чем связано игнорирование законодателем международных договоров в тексте УК РФ? Ведь очевидно, что существует немалое количество межгосударственных многосторонних и двусторонних договоров, содержащих нормативные предписания уголовно-правового характера. По мнению И. И. Лукашука и А. В. Наумова, отсутствие ссылки на договоры следует объяснить опасением авторов УК РФ, что подобная ссылка может быть истолкована в пользу применимости в уголовном праве конституционной нормы о том, что если договор устанавливает иное правило, чем закон, то применяется правило договора [1, с. 26], а следовательно, приобретением последним статуса официального источника уголовно-правовых норм на территории России.

Отметим, что советские юристы традиционно не признавали нормы международного права в качестве источников национального уголовного права,

однако допускали идею дуалистического воздействия международных актов на внутреннее законодательство, которые могут «в некоторых случаях помочь уяснить содержание соответствующей статьи Уголовного закона» [2, с. 160; 3, с. 31].

Вопрос о возможности приоритетного и прямого действия международно-правовых норм в российском уголовном праве постарался решить Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В соответствии с п. 6 данного Постановления международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться российскими судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.). Исходя из Конституции РФ, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в РФ подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами РФ в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора РФ (например, ст. 355 и 356 УК РФ).

Что касается иных норм международного уголовного права, то в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ сказано следующее: «Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами... при рассмотрении уголовных дел, если международным договором Российской Федерации регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие

предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства)».

Изучение судебной практики свидетельствует о том, что российские суды учитывают содержание норм международного права, а также их интерпретацию международными договорными органами при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ. Так, судом первой инстанции П. была осуждена по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ к лишению свободы на срок три года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. На основании ч. 1 ст. 82 УК РФ реальное отбывание наказания П. было отсрочено до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Апелляционным определением приговор в отношении П. был изменен, в частности было отменено решение о применении к П. отсрочки реального отбывания наказания в виде лишения свободы до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. Впоследствии вышестоящий суд отменил апелляционное определение, указав, что существующее законодательное урегулирование назначения уголовного наказания женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, соотносится с требованиями международных актов. Как было отмечено судом кассационной инстанции, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 65/229 от 21 декабря 2010 г. Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), рекомендуют по мере возможности и целесообразности отдавать предпочтение наказанию беременных женщин и женщин с детьми на иждивении, не связанному с лишением свободы. Причем этот вопрос о назначении наказания, связанного с лишением свободы, рассматривается в том случае, если преступление является тяжким или насильственным или если женщина представляет постоянную опасность для общества, с учетом наилучшего обеспечения интересов ребенка или детей и организации надлежащего ухода за такими детьми (постановление президиума Тульского областного суда от 19 июня 2018 г.).

Предписания уголовно-правового характера, содержащиеся в международных договорах РФ, которые по своему характеру не устанавливают преступность деяния, могут действовать на территории России непосредственно, без своего дублирования в нормах УК РФ. Например, постановлением Московского городского суда от 20 апреля 2018 г. постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Х. компетентным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности по ст. 422

УК Республики Беларусь признано законным и обоснованным. В апелляционных жалобах Х. и его адвокат просили постановление суда отменить на том основании, что согласно п. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г., п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ выдача лица может быть произведена, если за совершение деяния уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, когда выдача лица производится для уголовного преследования.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что между РФ и Республикой Беларусь выдача лиц для уголовного преследования осуществляется на основании международного договора РФ, в качестве которого выступает Конвенция о правовой помощи от 22 января 1993 г.

В соответствии с п. 2 ст. 56 указанной Конвенции выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание. Следовательно, суд подтвердил приоритетное действие нормы международного договора в случае ее коллизии с национальным законодательством. При этом было разъяснено, что иное толкование положений п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ и ч. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г. могло бы повлечь неисполнение РФ своих международных обязательств перед Республикой Беларусь о выдаче лиц за деяния, наказуемые лишением свободы на срок не менее одного года (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июля 2018 г. № 5-АПУ18-23).

Отметим, что в юридической литературе достаточно часто встречается упоминание о прямом действии норм международного права в «негативном» аспекте: лишенные правовых санкций, они определяют не условия применения, а условия неприменения тех или иных норм национального права [4, с. 11; 5, с. 3]. И такие примеры можно обнаружить в отечественной правоприменительной практике. Так, в 2020 г. несколько граждан КНДР были осуждены Находкинским городским судом по ч. 3 ст. 253 УК РФ к реальному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Их преступления заключались в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов (кальмара тихоокеанского) в исключительной экономической зоне Российской Федерации, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Санкция ч. 3 ст. 253 УК РФ предусматривает два основных наказания: принудительные работы и лишение свободы, без каких-либо оговорок по отношению к иностранным гражданам. В то же время на территории РФ действует Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., согласно ч. 3 ст. 73

которой наказания, налагаемые прибрежным государством на членов экипажа иностранного судна за нарушение законов и правил рыболовства в исключительной экономической зоне, не могут включать тюремное заключение, при отсутствии соглашения заинтересованных государств об обратном, или любую другую форму личного наказания (отметим, что эти же положения воспроизведены в ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»).

Анализ международных договоров РФ и КНДР свидетельствует, что межгосударственные соглашения по вопросам применения наказания в виде лишения свободы за нарушение законов и правил рыболовства в исключительной экономической зоне двух стран не заключались. Следовательно, гражданам КНДР, совершившим преступление в виде незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в исключительной экономической зоне РФ (ч. 3 ст. 253 УК РФ), не могло быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы.

Прокуратурой г. Находки были принесены апелляционные представления с доводами о необходимости изменения вынесенных приговоров в части назначения наказания. Приморским краевым судом они были удовлетворены, гражданам КНДР были назначены наказания в виде штрафа (отметим, что эти же положения воспроизведены в ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»).

Все вышеизложенное подтверждает факт непосредственного действия так называемых самоисполнимых международных норм, регулирующих отдельные аспекты борьбы с преступностью, в уголовно-правовых отношениях на территории РФ и их серьезное значение для отечественной правоприменительной практики. Данный вывод следует и из Обзора практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 декабря 2021 г.), в котором Верховный Суд РФ подчеркнул, что нарушение нормы международного права, выразившееся в неприменении нормы, подлежащей применению, или, напротив, применении судом нормы международного права, не подлежащей применению, либо случаи, когда судом будет дано неправильное толкование такой нормы, могут быть признаны основанием для отмены или изменения судебного решения.

Отметим, что нормы международного права, даже являясь частью правовой системы нашей страны, не растворяются во внутригосударственном пра-

ве, а занимают особое положение, ибо они создаются и изменяются в особом порядке, сохраняют связь с международным правом, толкуются и применяются с учетом иных международно-правовых норм. Проведенные автором настоящей работы социологические исследования свидетельствуют о том, что нормы международного уголовного права нередко малоизвестны или даже неизвестны вообще сотрудникам российских правоохранительных и судебных органов: так, из 493 опрошенных нами практических работников 147 (29,8%, т.е. почти треть) ответили на вопрос о том, известны ли им международно-правовые акты, содержащие нормы уголовного права, ратифицированные Россией, что соответствующие правовые акты им малоизвестны; 42 (8,5%) опрошенных респондента вообще обозначили их как неизвестные [6, с. 246]. Хотя Верховным Судом РФ проводится глобальная работа по обобщению практики и правовых позиций международных договорных и недоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, и доведению их до сведения населения¹, тем не менее, видимо, данного правового просвещения явно недостаточно.

Подводя итоги, укажем на повышенную актуальность изучения проблем реализации норм международного права в национальной юридической практике в условиях глобализирующегося мира и существование различных вариантов применения данных норм в сфере уголовно-правовых отношений, возникающих на территории РФ, в контексте конституционных положений о том, что наша страна может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами РФ, если это не влечет за собой ограничение прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России.

¹ http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice

Пристатейный библиографический список

1. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М. : Спарк, 1999.
2. Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М Чхиквадзе. М. : Наука, 1970. Т. 1.
3. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М. : Юрид.лит., 1972.
4. Карандашов И. И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2013.
5. Наумов А. В. О соотношении норм международного и уголовного права // Советская юстиция. 1993. № 19.
6. Денисова А. В. Системность российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2018.
7. Кибальник А. Г., Шибков О. Н. Формы влияния международного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. № 4 (36).

References

1. Lukashuk I. I., Naumov A. V. International Criminal Law. Moscow: Spark, 1999.
2. Piontkovskii A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. (eds.). The Course of Soviet Criminal Law. Moscow: Nauka, 1970. Vol. 1.
3. Gelfer M. A., Grishaev P. I., Zdravomyslov B. V. (eds.). Soviet Criminal Law. General Part. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1972.
4. Karandashov I. I. Direct Action of the Norms of International Treaties in the Legal System of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2013.
5. Naumov A. V. On the Relationship Between the Norms of International and Criminal Law. *Soviet Justice*.1993. No. 19.
6. Denisova A. V. Systematicity of Russian Criminal Law. Moscow: Iurlitinform, 2018.
7. Kibalnik A. G., Shibkov O. N. Forms of Influence of International Law on Russian Criminal Law. *Society and Law*. 2011. No. 4 (36).